

<https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-172-187>
<https://elibrary.ru/WLFNRD>
УДК 821.133.1.0

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

ЭКО-ФАНТАСТИКА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1970-Х ГГ.

© 2024 г. М.А. Ариас-Вихиль

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: Расцвет эко-фантастики во французской литературе относится к 1970-м гг. XX в. Это литературное направление связано, с одной стороны, с движением контркультуры в Европе и США, пик которого приходится во Франции на 1968 г., во многом определивший новые приоритеты социальной политики, философии и литературы 1970-х гг. С другой стороны, в это время популярность приобретает движение «возвращения к истокам» (Ж. Каррьер «Ястреб из Майе», П. Лене «Кружевница» и др.), интерес к «малой родине». Проблема сохранения природы, окружающей среды, традиционной культуры вопреки победному шествию научно-технического прогресса оказывается в фокусе внимания таких писателей, как М. Турнье («Пятница, или Круги Тихого океана»), Ж.-М.-Г. Леклезю («Пустыня»), Ж. Кейроля («История леса», «История пустыни», «История моря» и др.). Восстановление природы и окружающей среды после Третьей мировой войны составляет сюжет фантастических «Историй...» Ж. Кейроля. Наиболее плодотворной становится позиция сохранения природы, а не ее покорения. Большой резонанс в об-

щественной и литературной жизни этого времени получают так называемые доклады Римскому клубу, привлекающие внимание мировой общественности к глобальным проблемам развития природы и общества, к изучению перспектив человечества, пропагандирующие идеи гармонизации отношений человека и природы. Эти доклады нашли отражение в литературных и философско-политических исканиях писателей, обратившихся в 1970-е гг. к эко-фантастике, широко используя в своем творчестве приемы фантастической литературы.

Ключевые слова: эко-фантастика, французская литература 1970-х гг., Ж. Кейроль, Г. Уэллс, А. Печчеи, Римский клуб.

Информация об авторе: Марина Альбиновна Ариас-Вихиль — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Архив А.М. Горького, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4182-8213>

E-mail: marina.arias@mail.ru

Для цитирования: Ариас-Вихиль М.А. Эко-фантастика во французской литературе 1970-х гг. // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 4. С. 172–187. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-172-187>

И приступивши ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? <...> Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют. (Мф. 13: 10–13)

Экологическая фантастика (или эко-фантастика) охватывает художественные произведения, посвященные взаимодействию человека и природы, отношению человека к окружающей среде. Истоки этой литературы исследователи видят в пасторали, в классической литературе, магическом реализме, литературе о животных, литературе метаморфоз, научной фантастике и др. Однако термин «эко-фантастика» приобрел популярность на Западе в 1970-х гг., когда в общественном сознании сложились условия для анализа экологических проблем, взаимоотношений человека с глобальной экосистемой в свете прогнозов ученых, связанных с необходимостью защиты природы и человека, который является ее частью.

Эра научно-технических чудес, победного шествия материального прогресса породила лавинообразно растущий поток научной фантастики в Америке и Европе. К концу 1960-х — началу 1970-х гг.

смогли упреки критики, раздававшиеся в адрес французских писателей-фантастов, в подражательстве «переводам с американского» (в русле научной фантастики, ориентирующейся на англо-американские достижения в этой области, работают многие французские фантасты, в частности, Р. Баржавель, Ж. Клейн, Кл. Шейнисс, М. Демют, Б.Р. Брюсс, М. Жери и многие другие): «Во Франции все началось к концу 60-х годов. Прежде это была монотонная пустыня с редкими оазисами; НФ прозябала <...> Потом наступил знаменитый бум конца 60-х годов. Научно-фантастическая литература наилучшим образом отвечала запросам значительной части читателей после 1968 года. Литература “взрыва” соответствовала обществу в состоянии “взрыва”, как заметил А. Гризе»¹. Но и во времена «оазисов» в «пустыне» французской научной фантастики появились интересные и значительные произведения Фр. Карсака, Ж. Клейна, Ж. Стернберга, П. Булля, Р. Мерля.

Когда же наступили времена «джунглей» фантастики конца 1960–1970-х гг., обнаружилось национальное своеобразие этого вида литературы. Отметим прежде всего ее крен в область социологии, политики и экологии. Межпланетные корабли, путешествия во времени, гиперпространство, интерес к астронавтике, атомной физике, робототехнике, компьютерам остались привилегией англо-американских фантастов [3], в известной степени оказались к этому времени пройденным этапом.

В 1970-е гг., как показывают специальные исследования², произошла переориентировка научной фантастики. Писателей теперь интересуют не возможности НТР (в безграничности которых они убедились сами и убедили читателей), а ее политические, социально-психологические и экологические последствия (некоторые из них уже налицо, а большинство других пока трудно предугадать). Именно в это время приходит общественное осознание «пределов роста»³. По этому поводу исследователь Е. Брандис пишет: «Наука все может». Более чем когда-либо, ей нужны теперь <...> моральные регуляторы. Этика — ключевой пункт современной фантастики. Жюль-верновский пафос покорения природы сменился пафосом ее сохранения на новых, рациональных началах <...> Произошла пере-

¹ Riche D. La science-fiction et ses médecins // Nouvelles littéraires. 1972. 5–11 janv. P. 19. Здесь и далее перевод с французского автора статьи.

² Гаков В. На витке спирали // Литературное обозрение. 1976. № 9. С. 83–89.

³ «Пределы роста» — название доклада Римскому клубу Донеллы Медоуз и Денниса Медоуза (1972).

ориентировка фантастики с технических тем на этические: <...> перед человечеством возникли глобальные проблемы и решать их можно только сообща» [3, с. 98]. Резко ускорившееся накопление оружия, прежде всего средств массового уничтожения, приобретение им новых качественных параметров, с одной стороны, и деградация природной среды, антропогенные пустыни, «кислотные дожди», с другой стороны, порождают тревожные вопросы. В редакционной статье под характерным названием «От научной фантастики к фантастике размышлений» (“De la science-fiction à la fiction spéculative”, 1976) авторитетный литературный журнал “La Quinzaine littéraire” констатирует: «Теперь НФ обращается к гуманитарным наукам, к спекулятивному знанию, доводит до логического конца рассуждения и дает начало новым утопиям. Это изменение научного поля породило новую НФ — фантастику рассуждений, которую все труднее отличить от новейших форм литературы»⁴.

Именно в 1970-е гг. создаются такие шедевры французской фантастики, как «Мальвиль» и «Мадрапур» Р. Мерля (“Malevil”, 1972; “Madrapour”, 1976), «Обличитель» (“L’Imprécatteur”, 1974) и «Зверь» (“La Bête”, 1976) Р.-В. Пиля, написаны лучшие произведения таких писателей, как Ф. Кюрваль, Ж.-П. Андревон, Ж. Стернберг, Б. Мату.

Одним из писателей, обратившихся к фантастике в конце 1960–1970-х гг., стал Жан Кейроль (1911–2005), творчество которого фокусирует важнейшие проблемы исторического и литературного развития Франции в этот период [1]. Первая его проба в области фантастики «История луга» (“Histoire d’une prairie”, 1969–1970) была написана в год высадки человека на Луну.

«История луга», сочетающая в себе черты многих жанров, описывает человечество за порогом III тысячелетия, после пережитой им третьей мировой войны. Следствием третьей мировой войны становится радиоактивное заражение не только земли, но и самых глубин моря, «летаргия органической жизни» на планете: «И так земля продолжала существовать в ужасающем состоянии, облученная, ослепленная планета, зараженная до самых морских глубин. Теперь она была во власти метеоритов, жестких излучений, космической пыли, вредоносных паров, электрических разрядов, электромагнитных волн такой мощности, что рушились горы; это была летаргия органической жизни, плавились камни... Небо говорило, ворочая огненным языком» [9, р. 141].

⁴ De la science-fiction à la fiction speculative // La Quinzaine littéraire. 1976. 16–31 janv. P. 3.

Разрушена природная среда, во Франции воцарилось полицейское государство, технократия и власть военных. Жизнь людей подчинена жестокой регламентации, повсюду натянута колючая проволока. Кейроль сосредоточивает свое внимание на поисках выхода из тупика, в который, по его мнению, зашло человечество. Выход ищет его главный герой Жое, имеющий все приметы традиционного образа простака, хорошо знакомого читателям французской философской прозы. Жое олицетворяет собой «человека вообще». (Вспомним также в этой связи «простаков» Кл. Саймака и героев Р. Брэдбери).

Дефицит человечности и доброты в мрачном мире антиутопии восполняется нравственным здоровьем главного героя, который смог не только разглядеть сущность бесчеловечного мира за технически усовершенствованной оболочкой, дать ему должную оценку, но и построить в противовес ему свой собственный утопический «мир луга», где человек счастливо живет по законам природы и в согласии с ними.

Он живет на огромной искусственной поляне, оборудованной новейшей военной и разведывательной техникой, замаскированной в пластиковых деревьях и кустах, в криленовых одуванчиках и траве: «Ничто не было подлинным в этом проклятом пейзаже, кроме неопределенного пространства огромного искусственного луга. Листва была пластиковая. В стволах дубов были вмонтированы подслушивающие устройства, а в их неподвижных кронах — радары. Тополя были снабжены сигналом управления и в нужный момент изгибались, как лук, и выплевывали напалм, а прелестный аккуратный домик был всего лишь тюрьмой — на тридцать коек» [9, р. 22].

Военное положение, навсегда сохранившееся в стране, воздух, сотрясаемый взлетами и посадками патрульных самолетов и вертолетов, бомбежки, подземные города, всеобщая слежка, население, носящее пуленепробиваемые жилеты, как и «меховое пальто со стальной подкладкой», в которое одета мадам Ирис Клозе, приставленная присматривать за Жое, — все это реализация метафоры милитаризованного общества, вооруженного до зубов, всегда готового к войне с врагом, «имя которого по-прежнему неизвестно» [9, р. 26].

Однажды во сне Жое неожиданно скатывается на настоящий луг, заросший травой и кустарником. Для Жое началась новая жизнь, он учится понимать язык растений и животных — то, что названо Кейролем «забытым языком рая» [14, р. 112] в «Поэзии — дневнике». Не просто ему дается эта наука, ему приходится много работать, подрезать деревья и кустарники, удобрять растения на своем лугу, косить траву, приручать диких животных. Но именно на лугу, «возделывая

свой сад», Жое почувствовал себя свободным и счастливым, обрел полноту жизни: «Жое шел вперед и был счастлив. В данный момент все было ясно» [9, р. 46]. Луг всегда приходит на помощь Жое, охраняет его, спасает, оберегает. Жизненная сила луга кажется неисчерпаемой даже в самых губительных условиях, забетонированный или изрытый бомбами и напалмом, он возрождается вновь: «Но под расплавленным гудроном все-таки уцелели некоторые корни <...> у корней есть особый дар, умение сделать усилие, ощущение человеческого шага, хорошо сделанной работы, хорошо сделанной жизни <...> Надо только подождать, и даже на военном полигоне крапива вступит в свои права и все начнется сначала <...> она окружит из любопытства старый снаряд, ее листья закроют его, и она будет свободно расти, заглушив всякую угрозу» [9, р. 117].

«Земля не предала своего идеала» [9, р. 128], мир природы противопоставлен гибельному миру цивилизации, предавшей человека и природу. Природа восстанавливает то, что разрушает человек, она естественный источник гармонии в мире. «Каждая травинка — росток правды» [9, р. 132], — убежден Жое, и он во всем доверяет своему лугу. «Мною управляет мой луг» [9, р. 99] — только власть природы признает Жое.

Жое чувствует себя Робинзоном, отрезанным от мира, он мечтает построить себе хижину, конюшню, амбар, вести натуральное хозяйство: «Я буду пионером этой необжитой земли, построю плот, чтобы плавать по реке, у меня будет Библия в кожаном переплете с металлической застежкой <...> у меня не будет ни врагов, ни соседей» [9, р. 56]. В описании жизни Жое на лоне природы много реминисценций из романа «Робинзон Крузо». «История луга» Кейроля вместе с романом «Пятница, или Круги Тихого океана» (*“Vendredi, ou les Limbes du Pacifique”*, 1967) Мишеля Турнье предвещает поток робинзонад, хлынувших во французскую литературу в 1970-е гг. Французская критика сразу же отметила некую общность посылок Кейроля и Турнье, пустившихся, каждый по-своему, на поиски «блаженных островов». Критик Жак Бертани назвал одну из «Историй...» Кейроля «лирической эпопеей-буфф “Жеронимус, или Круги Запада”» (по аналогии с романом Турнье «Пятница, или Круги Тихого океана» (*“Vendredi ou les Limbes du Pacifique”*))⁵.

Поиски идеала в единении человека и природы и связанные с этим поиски «корней» — характерная примета 1970-х гг., реакция

⁵ Bersani J. Jérónimus ou les Cercles de l'Occident // Le Monde. 1972. 28 janv. P. 12.

на майские события 1968 г. с поисками альтернативы общественно-го развития. «Зеленый храм» (1981) Э. Базена, «Кружевница» (1974) П. Лэне, «Terra amata» (1968), «Книга бегств» (1969) и рассказы (1976) Ж.М.Г. Ле Клезю, «Дикие орешки» (1974), «Дети лета» (1978) Р. Сабатье, с одной стороны, и «экологический романтизм» Жана Каррье-ра («Ястреб из Майе», 1977), Жана Жубера («Человек среди песков», 1976; «Красные сабо», 1979), «этнографическая проза» П.-Ж. Элиаса («Конь моей гордости», 1975), А. Сильвера («Туану. Крик овернского ребенка», 1980), М. Рагона («Акцент моей матери», 1980), А. Майе («Матушка Пелагея», 1979), с другой стороны, так же, как и вновь открытая «малая родина» французских провинций на страницах газеты «Юманите», публиковавшей в 1970-е гг. в рубрике «Lire le pays» очерки известных французских писателей о своем родном крае, свидетельствуют о стремлении писателей найти нравственную опору в приближении к миру природы, к земле, вскормившей их, к этическим ценностям, утверждаемым трудовым, народным образом жизни.

Ядерный апокалипсис, описанный Кейролем в 1969 г., не вполне соответствует современным прогнозам «ядерной зимы», смоделированной в 1980-е гг. советскими и американскими учеными. Однако «шок будущего» присутствует и в этом описании: летаргия органической жизни на земле, разрушение мировой экосистемы, полная деградация среды обитания человека. «Шок будущего» — название книги американского ученого О. Тоффлера (1970). «Шоковая терапия» становится излюбленным приемом современной фантастики в условиях критической ситуации, порожденной обостряющимися противоречиями современного общества. «Шок» помогает писателю «ковать человека, пока он горяч» («Battre l'homme tant qu'il est chaud» [14, р. 230]). В связи с этим исследователь Э. Баталов пишет: «Констатация тупиковой ситуации как реальной возможности, грозящей человечеству, содержалась в работах ряда западных социологов и футурологов (в первую очередь тех, кто был связан с Римским клубом), выдержанных в алармистской тональности и вызвавших широкий резонанс не только в научных кругах, но и среди широкой общественности. Имея в виду эффект воздействия на общественность <...> к числу этих работ следует отнести и знаменитый "Футуршок" О. Тоффлера» [2, с. 237]. Проблема предотвращения войны, экологическая проблема оборачиваются проблемой выживания человечества, сохранения жизни на Земле.

Обращаясь к этой глобальной проблеме, писатели-экофантасты предвосхищают тревогу, присущую широко распространившейся сегодня в мире литературе «апокалипсиса», но также и ученым, от-

крывающим все новые и новые последствия применения ядерного оружия много лет спустя после его появления.

Выводы Кейроля мрачны, прибегая к иносказанию, он пишет, что Иисусу Христу, по-видимому, придется навсегда покинуть Землю, отправиться к другим планетам и уговорить своего отца начать там все сначала, заново сотворить человека: «Быть может, ему нужно было срочно связаться с Отцом и просить его разрешить покинуть землю и идти на другие планеты, чтобы начать все заново в изолированной от спор галактике...» [9, p. 143].

Что же касается обитателей Земли, то им уже не помогут чудеса их христианского Бога; он бессилен что-либо сделать для них, ему не сладить со злом: «Иисус закрыл глаза: чудеса могли способствовать только распространению эпидемий, мир был как заброшенная свалка, и сама смерть боялась, что ее повесят на рассвете» [9, p. 141].

В этих символических сценах раскрывается экологическая концепция писателя: луг уподоблен живому существу, чахнущему от пренебрежительного отношения, от отсутствия внимания. Человеческая солидарность должна простираться не только на мир людей, но и на все живое, должна противостоять «механической цивилизации», разрушающей природу и обезличивающей человека. Солидарность «органической жизни» на земле в противовес «неорганическому» господству технократии и военщины, повергающему ее в летаргию, бетонирующему и расстреливающему ее. Повествование заканчивается все же на оптимистической ноте: конфликт предстает разрешимым, выход из эволюционного тупика может быть найден. Герой Кейроля давно заметил, что его луг обладает огромным запасом жизненной силы.

Пока существует связь человека и природы, пока они едины, солидарны, силы их неисчерпаемы, подобно тому, как сказочный богатырь прислонялся перед боем к земле, чтобы стать непобедимым. Обращение к фантастике дает возможность писателю воплотить свой идеал союза человека и природы, реализовать свое желание увидеть человека счастливым.

Кейроль пытается соединить в одном произведении то, что в творчестве Г. Уэллса, например, распадается на две самостоятельные тенденции: философскую и поэтическую фантастику (ведь в определенном смысле луг Кейроля есть тот «цветущий сад души» (*“la prairie est un jardin secret des âmes”* [9, p. 162]), который обнаружил за «маленькой дверью в стене» Уэллс).

Знаменитый рассказ Уэллса «Дверь в стене» (1911) — классическое воплощение поэтической фантастики, «фантастики исполне-

ния желаний», апология «великой мечты» о «мире неземной красоты и блаженства», в котором человек счастлив. В этот утопический идеальный мир попадает герой рассказа Лионель Уоллес. Открыв таинственную дверь в стене, там, где люди видели «только ограду и за ней траншею», он обнаружил чудесный цветущий сад: «В самом воздухе было что-то пьянящее, что давало ощущение легкости, довольства и счастья. Все кругом блистало чистыми, чудесными, нежно светящимися красками. <...> Там все было прекрасно <...> И у меня было такое чувство, словно я вернулся на родину <...> В одно мгновение я очутился в другом мире, превратившись в очень веселого, безмерно счастливого ребенка. Это был совсем иной мир, озаренный теплым мягким ласковым светом, тихая радость была разлита в воздухе» [8, с. 350–351]. Герой Кейроля поселяется в этом идеальном мире, его мечта о счастье исполняется: «Луг моей мечты» (*“la prairie de mes rêves”*) [9, p. 162].

Установка на пересоздание мира, игру с реальностью сближает поэтику «Истории луга» с эстетическими принципами романтизма. На связь с романтизмом указывает и идейно-художественная концепция Кейроля — в центре которой — «наша общая с природой душа». Кейроль убежден, что на ограниченном пространстве утопического луга уместились все проблемы человечества («Нет ни взгляда, ни пейзажа, ни происшествия, которое не содержало бы в себе всего остального мира в самом чистом виде» [9, p. 7]).

Писатель последовательно проводит мысль о том, что единственным правомерным критерием общественного прогресса может быть судьба человека, его счастье, его безопасность, свободное развитие его личности, реализация его потенциальных возможностей: «В центре человек, с которым сначала обращаются как с компьютером, оснащенным памятью, поступками, жестами, словами. Но его страсть, его порывы и импульсы могут и должны поставить под вопрос все, что служило его аннигиляции... всю эту двуличную комедию мира, не поддающегося расшифровке» [9, p. 8] — конфликт, романтический по преимуществу.

В последовавших за «Историей луга» «История пустыни» и «История моря» «удельный вес» политических, социальных и научно-технических экстраполяций уменьшается и все более мощно звучит голос «нашей общей с природой души». В «Истории пустыни» появляются люди — растения — «бродячий райский сад» — еще одно гротескное воплощение единства природной жизни: «Эта человеческая зелень — воспоминания счастливых времен... прозрачный сон о родной земле... старая исчезающая сказка... одна — единственная

мысль в разных воплощениях» [10, р. 170–171]. Человеку не прожить без природы, но и ей уже без его помощи не освободиться от последствий ее освоения человеком. Мировая экосистема во всем многообразии ее взаимосвязей становится одним из центральных образов «Истории пустыни». Недостаточное внимание к этой глобальной проблеме современности, по мнению Кейроля, создает тот самый тупик (“embouteillage” [10, р. 78]), в котором оказалось человечество (наряду с гонкой вооружений и милитаристской политикой («История луга»)): «благодаря этой истории, мы можем получить ключи от всех почти неизбежных опасностей» [10, р. 166]. Не освоение природных богатств, а охрана их, не использование природы, а благоговение перед нею, необходимость признания ее приоритета — таков парадоксальный лозунг нашего времени, убежден Кейроль. В этом смысле герой «Истории пустыни» Жеронимус — Анти-Робинзон: он отказывается использовать природу, окружающую его, как это было в романе Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» или «Таинственном острове» Жюль Верна. Идея колонизации природы терпит крах в «Истории пустыни»: многие поколения колонизаторов уже истлели в песках, а пустыня все сияет вечной и опасной красотой, скрывая от глаз человека свою таинственную жизнь.

Как мы видим, «душа природы» — не просто поэтическая метафора у Кейроля, за ней стоит особый философский подход к важнейшим проблемам человеческого существования, путь к постижению тайны человеческого счастья. В эстетическом смысле принцип одухотворения природы восходит в творчестве Кейроля не только к фольклорным мотивам, но и к переосмыслению их романтической традицией, установке на романтизацию мира, будучи одновременно элементом мировоззрения и поэтики («Особого рода души, населяющие деревья, ландшафты, камни, картины. Ландшафт нужно рассматривать как дриаду и ораду» [7, с. 126] (Новалис)). Если для наглядности заключить всю историю развития нашей планеты в рамки одного года, то окажется, что «человек разумный» появился на свет лишь за 15 минут до конца этого гипотетического года, человечество едва успело вписаться в историю своей планеты. Как же могло случиться, что этот младенец пытается диктовать природе, угрожать ей? Человечество рубит сук, на котором сидит, но древо жизни не засохнет от потери одной ветви, оно будет вечно зеленеть. Человеку не обойтись без природы, а она-то обходилась без него.

Экологический аспект философской концепции писателя, разрабатываемый во всех произведениях цикла, в «Истории моря» выдвигается на первый план. Кейроль акцентирует свое внимание на

бездумном, хищническом уничтожении природных богатств, безответственном загрязнении природной среды — «неорганического тела» человека [11, р. 122]. Человечество уподобляется неразумному ребенку, не внимающему голосу матери-природы.

В кульминационном эпизоде «Истории моря» море и его обитатели поднимают бунт против жестокого господства человека. «С меня хватит химических отходов и стоков, грязнящих нашу мать Океан» [11, р. 59], — говорит один из «поджигателей», рыба тунец. Началось восстание рыб, недовольных «условиями существования» [11, р. 129].

Битва животных с машинами (в «Истории луга»), битва рыб с сетями, гарпунами и динамитом — аллегория вражды, в которой не может быть победителей. Человечество предстает в «Историях...» с каиновой печатью на лбу, хотя оно и «первое разумное растение земного сада, у которого есть все» [9, р. 100], — без разрешения этого противоречия невозможно дальнейшее развитие человечества, оно будет топтаться на месте, вместо того, чтобы продвигаться вперед; более того, ему грозит глобальная катастрофа: «Мы душим будущее» [11, р. 179].

А между тем человечество обладает огромными внутренними резервами для выживания и прогресса, его глубинное знание, его инстинктивная память об органическом единстве природного мира могла бы помочь ему вновь обрести свое подлинное лицо, не искаженное судорогой жестокости или страха, принять правильную позицию по отношению к миру, позицию солидарности: «Это знание дается нам изначально, оно не имеет ничего общего с обучением и постоянным контролем разума. Инстинктивно она (Жеральдина. — М. А.-В.) идет к живым существам, растениям, атмосферным явлениям без боязни» [11, р. 178].

Писатель стремится напомнить человеку о его скрытых возможностях, ведь, «несмотря на весь внешний беспорядок, мы очень хорошо организованы внутри» [13, р. 74]. Только тогда человек — наиболее совершенное творение природы, ее венец — сможет выполнить великую миссию самопознания материи, возложенную на него мирозданием: «Она (Жеральдина. — М. А.-В.) представляла собой часть материи, претерпевающей законы, управляющие необходимыми изменениями в природе <...> Она — самосозерцание вечно меняющегося универсума» [11, р. 179].

Нетрудно установить, что в своих основных положениях философская концепция Кейроля перекликается с некоторыми идеями ученых Римского клуба, начавшего свою деятельность в то самое время, когда Кейроль приступил к созданию «Историй...» (1969). Это

говорит о том, что в своем творчестве Кейроль запечатлел духовный опыт определенного этапа социально-философской и научной мысли на Западе.

Проблема эволюции человечества, альтернативного будущего рассматривается учеными Римского клуба с позиций «пересмотра международного порядка» (название третьего доклада Римскому клубу, выполненного под руководством голландского экономиста, Нобелевского лауреата Я. Тинбергена), переориентации общественного сознания на «новое видение» мира [4] — на уровне глобальных проблем современности: «полностью и до конца осознать всю сложность и неустойчивость его (человека. — М. А.-В.) нынешнего положения и принять на себя всю ответственность, которая отсюда проистекает» [5, с. 181].

«Человек, — пишет итальянский предприниматель Аурелио Печчеи, основатель и первый президент Римского клуба, — уподобился Гаргантюа, развил в себе ненасытный аппетит к потреблению и обладанию, производя все больше и больше, вовлекая себя в порочный круг, которому не видно конца» [5, с. 37]. Критическое настроение по отношению к существующей системе ценностей, ориентирующей человека на «манию потребления», заставляет западных теоретиков искать «новые цели для человечества» (название пятого доклада Римскому клубу под руководством американского философа Э. Ласло (1977), которые позволили бы преодолеть «кризис человечества» и «кризис человека», высвободить его творческие силы, улучшить «человеческие качества» для осуществления подлинного нравственного прогресса человеческого сообщества, гуманизации мира. В самом названии доклада выражена концепция «революции мировой солидарности».

В первых докладах Римскому клубу в начале 1970-х гг. большое внимание уделялось раскрытию взаимосвязей между человеком и природой (упомянем, в частности, доклад М. Месаровича и Э. Пестеля «Человечество у поворотного пункта» (1974), где шла речь о пагубном разрыве между человеком и природой, о необходимости создания таких отношений между человеком и природой, при которых он выступал бы не как завоеватель природы, ее непримиримый антагонист, а как разумное существо, заботящееся о сохранении природного окружения, с которым неразрывно связана его собственная жизнедеятельность, о необходимости перехода от общества потребления к обществу сохранения как способа разрешения экологической проблемы. По мнению М. Месаровича и Э. Пестеля, до сих пор прогресс человечества осуществлялся за счет покорения человеком

природы, теперь же становится ясно, что покорение природы оборачивается серьезными опасностями, непредвиденными негативными последствиями, ведущими к новым острым кризисам. Специфика новых кризисов заключается в том, что природа вновь становится «противником, который вовсе не побежден, а в некоторых отношениях более неуловим и более грозен, чем мы можем себе представить» [4, с. 83] (В.М. Лейбин).

Вывод, к которому пришли ученые, заключается в том, что решение глобальных проблем — «в самом человеке, а не вне его» [5, с. 122] (А. Печчеи) (концепции «революции в сознании», «новой антропологии», «революционного обучения» и др.). А. Печчеи подчеркивает: «Наиболее важным, от чего зависит судьба человечества, являются человеческие качества» [5, с. 122].

Эта позиция характерна и для Кейроля, мечтающего о гуманизации мира средствами философии «ненасилия», убежденного в том, что достаточно человеку обратиться к своему духовному миру, внутренним резервам, понять глубинные устремления своего духа, смысл эволюции, чтобы преодолеть диктат внешнего мира, совершить «революцию в сознании» и затем в общественной жизни путем многих таких «революций» в сознании современников, перерастающих в «революцию мировой солидарности». Таков социальный аспект эко-фантастики Кейроля: «Хотя этого совершенного строя никогда не будет, тем не менее следует считать правильной идею, которая представляет этот *maimum* в качестве прообраза, чтобы, руководствуясь им, постепенно приближать законообразное общественное устройство к возможно большему совершенству» [6, с. 352] (И. Кант).

В 1970-е гг. технократический оптимизм заметно умерился, даже такой видный теоретик «постиндустриального общества», как Герман Кан, заявил в 1972 г., что «негативное отношение к дальнейшему техническому прогрессу и экономическому росту может стать более уместным и действенным» [4, с. 50]. Исследователи отмечают, что большую роль в этой переоценке сыграли публикации докладов Римскому клубу, в особенности, «Пределы роста» Д. Медоуз и Д. Медоуза (1972).

Фантастика остается средством остранения реальности как воплощения отчуждения человека в современном мире, средством преодоления недолжной реальности и выражения заветного желания автора помочь современному человеку обрести утраченную естественность и восстановить связь с природой: «Я учился говорить на языке деревьев, ветер составлял мой алфавит <...> лес так же, как и я, боится войны...» [12, р. 125] — говорит в «Истории леса» Жеромюс.

Лейтмотивом «Истории леса» становится строчка стихов Федерико Гарсиа Лорки: «Как люблю я цвет зеленый» (“verde que yo te quiero verde”) [15, с. 122]. Научить человека понимать и любить «наивные» и «простые» вещи, воспринимать вечные истины (в отличие от релятивизма современности: «раньше небо принимали всерьез, оно было обителью счастья. Сегодня самолеты, космические капсулы, зонды изменили небо и человек стал равнодушно взирать на дырявый, сузившийся, опустевший свод»⁶, — значит, по мнению автора, помочь человеку обрести гармонию существования, полноту мироощущения, указать путь к счастью, которое не мыслится автором без любви к миру, людям и природе: «Эдем был рядом, я воздавал деревьям должное. Но я хочу любви!» [12, р. 238].

На примере творчества Жана Кейроля мы видим, что эко-фантастика внесла значительный вклад в привлечение внимания к стратегиям выживания человечества, к глобальным проблемам перспектив развития ноосферы и биосферы, в пропаганду идеи гармонизации отношений человека и природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Ариас М.А. Лазарь среди нас. М.: Академия-Academia, 1994. 176 с.
2. Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982. 336 с.
3. Брандис Е.П. Научная фантастика и человек в современном мире // Вопросы литературы. 1977. № 6. С. 97–127.
4. Лейбин В.М. «Модели мира» и образ человека. М.: Политиздат, 1982. 255 с.
5. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.

Источники

6. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. 509 с.
7. Новалис. Фрагменты // Литературная теория немецкого романтизма / под ред. Н. Берковского. Л.: Изд-во писателей, 1934. 333 с.
8. Уэллс Г. Собр. соч.: в 15 т. [Б. м.]: [Б. и.], 1964. Т. 14. 415 с.

⁶ Barjavel R. // les Nouvelles littéraires. 1963. Fevr. P. 2.

9. Cayrol J. Histoire d'une prairie. Paris: Seuil, 1970. 224 p.
10. Cayrol J. Histoire d'un désert. Paris: Seuil, 1972. 233 p.
11. Cayrol J. Histoire de la mer. Paris: Seuil, 1975. 282 p.
12. Cayrol J. Histoire de la forêt. Paris: Seuil, 1975. 240 p.
13. Cayrol J. Il était une fois Jean Cayrol. Paris: Seuil, 1982. 224 p.
14. Cayrol J. Poésie-Journal I. Paris: Seuil, 1969. 223 p.
15. Garcia Lorca F. Romance sonámbulo. URL: <https://www.poesi.as/index203.htm> (дата обращения: 12.12.2023).

ECO-FICTION IN THE FRENCH LITERATURE OF THE 1970S

© 2024. Marina A. Arias-Vikhil

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

Annotation: The heyday of eco-fiction in French literature dates back to the 1970s of the twentieth century. This literary trend is associated, on the one hand, with the counterculture movement in Europe and the United States, which peaked in France in 1968, which largely determined the new priorities of social policy, philosophy and literature in the 1970s. On the other hand, at this time, the movement of “return to the roots” (J. Carrière “L’Épervier de Maheux”, P. Lainé “La Dentellière”, etc.) and interest in the “small motherland” gained popularity. The problem of preserving nature, the environment, traditional culture, despite the victorious march of scientific and technological progress, is in the focus of attention of such writers as M. Tournier (“Vendredi ou les Limbes du Pacifique”), J.M.G. le Clézio (“Désert”), J. Cayrol (“Histoire d’une prairie” “Histoire de la forêt”, “Histoire du désert”, “Histoire de la mer”, etc.). The restoration of nature and the environment after the Third World War is the plot of the fantastic “Stories...” by J. Cayrol. The most fruitful position is the preservation of nature, and not its conquest. A great resonance in the social and literary life of this time is received by the so-called. reports to the Club of Rome, drawing the attention of the world community to the global problems of the development of nature and society, to the study of the prospects of mankind, promoting the ideas of harmonizing the relationship between man and nature. These reports were reflected in the literary and philosophical-political searches of writers who turned to eco-fiction in the 1970s, widely using the techniques of fantastic literature in their work.

Keywords: Eco-fiction, French literature of the 1970s, J. Cayrol, G. Wells, A. Peccei, Club of Rome.

Information about the author: Marina A. Arias-Vikhil, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Archive of A.M. Gorky, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4182-8213>

E-mail: marina.arias@mail.ru

For citation: Arias-Vikhil, M.A. "Eco-fiction in French Literature of the 1970s." *Codex manuscriptus*, issue 4. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 172–187. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-172-187>

REFERENCES

1. Arias, M.A. *Lazar' sredi nas [Lazarus is among Us]*. Moscow, Akademiya-Academia Publ., 1994. 176 p. (In Russ.)
2. Batalov, E.Ya. *Sotsial'naiia utopiia i utopicheskoe soznanie v SSHA [Social Utopia and Utopian Consciousness in the USA]*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 336 p. (In Russ.)
3. Brandis, E.P. "Nauchnaia fantastika i chelovek v segodniashnem mire" ["Science Fiction and Man in Today's World"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 1977, pp. 97–127. (In Russ.)
4. Leibin, V.M. *"Modeli mira" i obraz cheloveka ["Models of the World" and the Image of the Man]*. Moscow, Politizdat Publ., 1982. 255 p. (In Russ.)
5. Peccei, A. *Chelovecheskie kachestva [The Human Qualities]*. Moscow, Progress Publ., 1980. 181 p. (In Russ.)